

В. А. Кисель

НАРОДНЫЕ ТРАДИЦИИ И ГОСУДАРСТВО: ИСТОРИЯ ВЗАИМООТНОШЕНИЙ (НА ПРИМЕРЕ ТУВЫ)*

АННОТАЦИЯ. Рассматривается проблема влияния государства на национальные традиции. Объектом исследования стали исторические изменения характерных черт культуры тувинцев: камнерезного искусства, самогоноварения, скотокрадства. Зарождение этих черт восходит к периоду формирования тюрко-монгольских культур. На их развитие сильно повлияла богатая история Тувы. За последние три столетия Тува неоднократно меняла свою политическую структуру. Она была частью Цинской империи, находилась под протекторатом Российской империи, входила в состав СССР и Российской Федерации, была независимой республикой. В результате всех перемен традиционная культура тувинцев подверглась кардинальной деформации. Тувинская мелкая пластика сумела сохранить исходный анималистический набор персонажей. При этом она обогатилась новыми образами и сюжетами, усложнилась декоративными элементами и скрытой динамикой. Первоначальное назначение миниатюрной скульптуры, связанное с ритуальной сферой, оказалось практически утраченным. Производство молочной водки неоднократно подвергалось многочисленным запретам и преследованиям. В результате оно оказалось фактически на грани исчезновения. Несмотря на это, значение молочной водки в культуре тувинцев остается очень большим. Институт скотокрадов изначально имел социальные корни. Часто похищение скота выступало инициацией для юношей. Однако со временем скотокрадство перешло в криминальную сферу и превратилось в явление уголовной среды.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: Тува, традиционная культура, государство, камнерезное искусство, самогоноварение, кайгалы

УДК 394.94(=512.156)

DOI 10.31250/2618-8619-2019-1(3)-171-188

КИСЕЛЬ ВЛАДИМИР АНТОНИЕВИЧ — к.и.н., ст. хранитель, Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН (Россия, Санкт-Петербург)

E-mail: kisel@kunstkamera.ru

* Статья подготовлена в рамках Программы фундаментальных исследований Президиума РАН «Культурно-сложные общества: понимание и управление».

Посвящается памяти Владимира Николаевича Тамба

Проблема влияния государства на национальные традиции и обычаи — сложная и многогранная тема. Для ее освещения требуются комплексные разработки, частью которых является изучение изменений самобытных культур в хронологическом плане. В связи с этим интересно рассмотреть исторические и этнографические материалы сравнительно изолированного региона, взяв за основу анализ характерных признаков одной определенной культуры. На роль объекта такого исследования в полной мере подходит Республика Тыва. У проживающих на ее территории тувинцев традиционное творчество, кулинария и экономика отличаются яркой спецификой¹. В последние два столетия именно камнерезное искусство, самогонварение и скотокрадство оформились в своеобразные «бренды» Тувы. И в них наиболее выпукло отразились противоречия между традиционным укладом и государством.

КАМНЕРЕЗНОЕ ИСКУССТВО

Одной из самых ярких черт тувинской культуры по праву считается скульптура малых форм, вырезанная из камня или дерева. Ее зарождение, скорее всего, связано с ритуальной практикой, поскольку фигурки животных заменяли настоящие жертвы духам местности. Первичным материалом для резчиков стало дерево. Из резьбы по дереву выделились косторезное и камнерезное ремесло, а также художественное металлическое производство, так как отливки делались по деревянным моделям. Со временем резьба по камню завоевала большую популярность. Сырьем послужил мягкий агальматолит (*чонар даш*), а затем более твердый серпентинит.

Основным мотивом в традиционной тувинской пластике являлись одиночные изображения людей, зверей и фантастических зоо- и орнитоморфных существ. Доминировали образы домашних животных. Скульптуры выполнялись реалистично, монументально и фронтально (фигуры животных предпочтительнее рассматривать в профиль, а людей — в фас). И хотя канон отсутствовал, статуэтки были статичны, без намека на психологизм. Игнорировались детали оригиналов, такие как ребра, мускулатура, складки кожи и одеяний. Нередко нарушались пропорции: укорачивались конечности, укрупнялись рога, хвосты, копыта и пальцы. Волосистой покров изображался редко и лишь местами, в виде параллельных прямых или волнистых линий.

Исследователи XIX — начала XX в. восторженно отзывались о тувинской мелкой пластике. Так, Е. К. Яковлев писал: «Игрушечное производство в виде резьбы из дерева достигает у сойот [тувинцев. — В. К.] высокой степени совершенства» (Яковлев 1900: 92). Сходно высказывался и Ф. Я. Кон: «Вырезанные из агальматолита и дерева (фигурки. — С. В.) по тонкости и изяществу могут смело конкурировать с лучшими европейскими изделиями этого рода» (цит. по: Вайнштейн 1974: 172).

Первый искусствоведческий анализ тувинского камнерезного творчества был сделан И. М. Мягковым в первой трети XX в. Исследователь охарактеризовал его как архаическое искусство и сравнил с пластикой Греции VII–VI вв. до н. э., ранней европейской готики и китайских династий Чжоу и Хань (Мягков 1931: 18, 25). В целом с этим трудно не согласиться. Однако работа И. М. Мягкова подверглась резкой критике со стороны С. В. Иванова, который, опираясь на марксистский

¹ Конечно, можно было привлечь и другие стороны культуры, например музыкальное творчество или одежду. Однако о формировании тувинского горлового пения, игре на музыкальных инструментах и национальном костюме сохранилось мало сведений. К тому же к 1950-м гг. два последних явления практически исчезли и возродились лишь отчасти спустя десятилетия (Яковлева 1966: 103; Дьяконова 1969: 203, 221, 224, 227; Прокофьева 2011: 405–406).

«классовый подход», утверждал: тувинскую «каменную скульптуру отнюдь нельзя считать общенациональным искусством», так как она отражает идеологию лам и феодальной верхушки (Иванов 1933: 145–146; 1934: 10)².

Исследование И. М. Мягкова было развито Е. Г. Яковлевой, отметившей совпадение ряда признаков тувинской пластики с произведениями кочевников скифо-сарматского и древнетюркского времени (Яковлева 1966: 87–88). Это наблюдение привело многих ученых к убеждению о зарождении художественной резьбы тувинцев в недрах древнейшего искусства кочевников — скифском зверином стиле (Вайнштейн 1974: 174–175; Иванов 1979: 174–175; Будегечи 1995: 46; Маннай-оол 2009; Иргит 2017: 39). Однако отличий между двумя явлениями больше, чем сходства. Важнейшие из них — это наличие в зверином стиле преимущественно изображений диких животных (исключение — лошадь), скрытая экспрессия, сцены терзания, а также фигуры, составленные из частей различных зверей (Кореняко 2002: 122–123, 133, 136, 143, 145, 161; Кисель 2004: 47–51). При этом нельзя категорично отвергать и некоторого воздействия памятников древнего искусства на тувинских резчиков. Например, мастер М. Х. Черзи вспоминал: «Вырезая своего первого арата-всадника, я невольно добивался сходства с тем степным [древнетюркским. — В. К.] изваянием» (цит. по: Ноозун 2016: 42).

Специфические особенности скифского звериного стиля постепенно исчезли из кочевнического искусства. Этот процесс шел параллельно с формированием тюрко-монгольских культур. На новом этапе репертуар кочевников пополнился образами домашних животных. До сих пор неизвестно, в какой момент в азиатских степях миниатюрные скульптуры начали изготавливаться из камня, но, видимо, отдельным направлением искусства камнерезное творчество стало только в XVI в. Наибольшее распространение оно получило у тувинцев, так как на их территории имеются значительные залежи агальматолита³. На появление в Туве каменных статуэток могло повлиять проникновение шахмат (*шыдыраа*)⁴. Оно стимулировало работу резчиков, заставляя делать шахматные фигуры «очень тщательно, кропотливо прорабатывая мельчайшие детали» (Вайнштейн 1974: 179).

Приблизительно в это же время (XVI–XVII вв.) тувинцы познакомились с буддизмом, который был связан с шахматной игрой (Каралькин 1971: 137–138). И. Т. Савенков указывал: «В Азии... духовное сословие всегда относилось и поныне относится к шахматной игре с величайшим уважением. Среди лам, например, шахматная игра чрезвычайно распространена: почти каждый лама знаком с этой игрою; среди них много сильных игроков» (Савенков 1905: 50). Кроме того, в Монголии, откуда игра попала в Туву, до 1920-х гг. шахматные фигуры вырезали в основном ламы (Кочешков 1972: 136). Сходная ситуация, вероятно, сложилась и у тувинцев. Столярами, занимавшимися художественной резьбой, были буддистские священники. В. И. Дулов даже утверждал, что тувинские ламы «фактически монополизировали столярное дело» (Дулов 1956: 109).

Исходной территорией монголо-тувинских шахмат, вероятно, была Индия или Тибет, где фигуры изображали людей и животных. В кочевой среде военная, по сути, игра приобрела мирный характер. Это отразилось на фигурах, воспроизводивших уже не воинов, а буддийские образы

² Не исключено, что эти критические отзывы стали одним из поводов, повлиявших на решение И. М. Мягкова оставить этнографию и археологию и заняться геологией, далекой от классовой борьбы. Сам С. В. Иванов позднее собирался создать обобщающую работу по тувинской пластике. Но труд не был завершен и остался на стадии сбора материала.

³ В. А. Кореняко считал, что тувинское камнерезное искусство сформировалось только в последней четверти XIX в. (Кореняко 2012: 94). В то же время он для стилистически близкой монгольской резьбы по камню обозначил период зарождения XVI–XVII вв. (Кореняко 1990: 120).

⁴ Популярность шахмат в тувинской среде отразилась в имени *Шыдыраа* (Ховалыг 2013: 373).

(колесо Дхармы, узел счастья — *өлчей удазын*, Гаруда — *Хан-Херети*, гротескный лев — *арзылаң*), а также животных, повозки, кибитки на колесах. Из антропоморфных персонажей остался только король (*нойон*), представлявший сидящего с подогнутыми ногами князя или священника, причем всегда безоружных (Кисель 2014а: 89).

С самого начала тувинская резьба ощущала сильное китайское влияние. Этому способствовало вхождение Тувы в Цинскую империю. Китайское воздействие отразилось на многих мотивах: стоящие и сидящие люди, всадник на стоящей лошади, погонщик с верблюдом, схватка борцов, бык с повозкой, стоящие и лежащие козлы, бараны, быки, лежащий дракон (Кисель 2004: 52), а также на конструктивной детали — подставке под фигурами (Вайнштейн 1974: 190). С тем же влиянием (или с восточноазиатской традицией) следует связывать появление ряда декоративных элементов: «Т» и «Г»-образные меандры, свастика, знак «шоу», облаковидные, фитоморфные и монетовидные узоры (Иванов 1961b: 375, табл. XI; Вайнштейн 1967: 56–59; Иргит 2010: 66; 2017: 85–88). Наверное, соблюдение пропорций некоторыми мастерами также шло от стремления приблизиться к китайским образцам⁵. Не исключено, что и выбор агальматолита как поделочного материала был связан не только с его легкостью в обработке, но и сходством с нефритом, особо ценным в Китае (Мягков 1931: 13).

Новый период в тувинской мелкой пластике наступил в конце XIX в. и был вызван переселением русскоязычных мигрантов. Этот процесс стал массовым с 1914 г., когда Российская империя объявила протекторат над Тувой. Для мастеров расширился рынок сбыта, который стал диктовать иные требования. Появились заказные чернильные приборы и сувениры, увеличилось производство игрушек, шахматных наборов и композиций на бытовые темы. Вместе с тем стилистика и образы остались прежними. Деревянная миниатюра стала утрачивать главенствующее значение. На ее место выдвинулась каменная пластика.

Провозглашение в 1921 г. Народной Республики Танну-Тува привело к изменению политического устройства тувинцев, преобразению традиционного уклада, внедрению советской идеологии. Народное искусство чутко отреагировало на перемены. Из художественной резьбы исчезли буддийские образы. Их заменили символы новой культуры. Особенно наглядно это продемонстрировали шахматы. Шахматные фигуры стали изображать солдат революционной армии, простых аратов в цепях и колодках, избиваемых палачами, автомобили, трактора, танки, пятиконечные звезды. Король преобразился в офицера, милиционера, прокурора, председателя колхоза, русского переселенца (Каралькин 1971: 143–144, рис. 1, 4; Самбу 1978: 50; Рафаенко 1981: 253, 255; Кореняко 1984: 61, рис. II, 5, 7, 9, III, 3, 5, 6, 10–12; Иргит 2017: 78). Иногда шахматного короля отличало то, что он сидел на стуле, — черта, чуждая тувинской культуре. Старые образы нойона и ламы сохранились. Однако теперь они олицетворяли ушедший, враждебный мир. Например, в шахматных наборах часто один король изображался представителем дореволюционной элиты, а другой — героем нового строя (Кореняко 1984: 61–62).

В этот период тувинское творчество перестало испытывать влияние китайской традиции. Ее заменило русское, вернее, советское искусство. В Тувинской республике была организована промысловая кооперация «Кызыл-Бузанчи», выпускавшая для РСФСР игрушки, шахматы, печати, письменные приборы, сувениры, в которых отчасти «находили отражение новые формы жизни народа» (Вайнштейн 1974: 191; Чадамба 2011).

⁵ Об этом писал Е. К. Яковлев: «Фигурки борющихся сойот, различных домашних животных и пр., вырезанные из дерева, или шахматные фигурки из камня агальматолита полны реализма и полного соблюдения пропорциональности в частях тела» (Яковлев 1900: 92).

С 1940-х гг. советский стиль — социалистический реализм — начинает активнее внедряться в мелкую пластику тувинцев. Причиной стало сближение двух стран, вылившееся в присоединение Тувы к СССР (1944), а также приезд в республику советских специалистов. Для изобразительного творчества Тувы громадное значение имело прибытие в 1941 г. художника В. Ф. Демина, ставшего основоположником тувинского живописного и монументального искусства⁶. К тому же тувинское правительство начало отправлять молодых талантливых резчиков в художественные учебные заведения РСФСР.

Этот этап ознаменовался появлением женщин-камнерезов. Первой мастерицей стала Р. А. Аракчаа. Затем резьбу по камню освоили Е. Б. Байынды и Л. М. Норбу. В тувинской манере стали работать также русские художники и умельцы — Л. Д. Протасов, Н. В. Игнатьева, И. Н. Корбуков.

Новшества не могли не повлиять на стилистику резьбы. В мелкую пластику были привнесены экспрессия, сложные ракурсы, многофигурные композиции, разнообразные орнаментальные завитки. Сформировалось два направления — традиционное реалистическое и декоративное (Иргит 2017: 123). Скульптуры начали восприниматься как индивидуальные художественные произведения и с 1950-х гг. стали подписываться авторами.

Влияние советского искусства на тувинскую пластику оказалось настолько сильным, что вызвало у некоторых российских педагогов опасения утраты у нее самобытных черт (Рафаенко 1981: 255; Кисель 2004: примеч. 42). Этого удалось избежать благодаря организации Союза художников Тувы (1965), а также открытию в Кызыле Училища искусств (1967) и созданию в районах художественных кружков, где опытные местные камнерезы стали преподавать молодежи традиционные навыки и приемы.

В тувинском искусстве окончательно утвердилась советская тематика. Социалистическая действительность представлялась в приукрашенном, пропагандистском ключе. Именно это отличает работы известных мастеров М. Х. Черзи («Чабаны — Герои Социалистического Труда», «Комплексная чабанская бригада»), Х. К. Тойбухаа («Первые буквы»), Х. Монгальби («Колхозная ферма») (Кенин-Лопсан 1976: 28–29; Вайнштейн 1974: 193; Иргит 2017: 66). В значительной степени здесь сказался контроль и давление органов власти. Показательным примером служат семинары резчиков в Кызыле, созданные для обмена опытом, но проводившиеся под руководством идеологического отдела обкома КПСС. И хотя в 1965 г. такой семинар был организован Министерством культуры и Союзом художников Тувы, основным докладчиком стал секретарь обкома КПСС К. С. Шойгу, который «рассказал мастерам о задачах изобразительного и прикладного искусства в эстетическом воспитании трудящихся» (Ланзы 1965)⁷.

Кроме того, характерной чертой времени явилась предвзятая интерпретация истории, ярким образцом которой стало освещение событий 1883–1885 гг. По письменным источникам и воспоминаниям современников, в то время участились набеги в Западную Монголию тувинских скотокрадов — *кайгалов*. Порой эти походы организовывались тувинскими чиновниками, заинтересованными в добыче. Пострадавшие монгольские князья неоднократно жаловались китайским властям, но те поручали расследование тувинской администрации, которая саботировала исполнение. Роковую

⁶ Кроме преподавательской деятельности, В. Ф. Демин участвовал в создании памятников, знаковых для Тувы. Так, он выполнил эскизы и клише тувинских почтовых марок 1942–1944 гг. («Деминские марки»), а в 1964 г. стал автором обелиска «Центр Азии» в Кызыле (в 2014 г. обелиск был демонтирован и заменен на монумент Д. Б. Намдакова, отражавший уже эстетику и конъюнктуру начала XXI в.).

⁷ Позднее К. С. Шойгу признавал: «В те годы авторитет КПСС значительно упал... Вновь потребовалось восхвалять партию, ее руководителей... Человек, попавший на партийную работу, очень быстро превращался в высокомерного и тщеславного чинушу, который только и делал, что давал указания» (Шойгу 2004: 155).

роль сыграли угон *кайгалами* ста лошадей, похищение и убийство дочери дербетского хана. Преступникам было велено явиться в суд. Опасаясь ареста и наказания, они бежали в местность *Оргу-шоль* и устроили лагерь на горе *Кара-Даг*. Постепенно туда стали стекаться недовольные и обиженные араты. Вскоре отряд мятежников насчитывал более двух сотен человек. Они активизировали нападения, избивая чиновников, грабя тувинских богачей и русских купцов. Целью повстанцев был захват власти в Западной Туве, а в случае поражения — уход на Алтай или в Хакасию. Глава Тувы амбын-нойон Олзей-Очур организовал карательную экспедицию и разгромил отряд *кайгалов*. Захваченные в плен мятежники были подвергнуты пыткам и обезглавлены (Дулов 1956: 287–302; История Тувы 2001: 299–304). В народной памяти эти события остались под именем *Алдан Дургун* — «60 беглецов».

В годы советской власти мятеж стал представляться как выступление бедняков против власти феодалов. Кайгалы были официально объявлены революционерами, боровшимися с классовой несправедливостью и маньчжурским колониальным режимом. Их стали именовать *Алдан Маадыр* — «60 богатырей/героев». В честь повстанцев назвали поселок и Национальный музей. Им были посвящены литературные, музыкальные, живописные, кинематографические произведения. Не остались в стороне и камнерезы. Так, Д. Ч. Оканчик вырезал композицию с чиновником, ведущим на поводу верблюда, груженного связанными и забитыми в колодки людьми, М. Х. Черзи выполнил скульптуру «Всадник-богатырь Самбажык» (один из вождей мятежа), Х. К. Тойбухаа создал миниатюры «60 богатырей» и «Арат Самбажык» (Вайнштейн 1954: 34, рис. 4; Иванов 1961а: 21–22; Кенин-Лопсан 1976: 27; Иргит 2017: 64).

Конец 1940-х — 1980-е гг. явились для мелкой пластики Тувы периодом эксперимента. С 1950-х гг. камнерезы стали создавать миниатюрные барельефы (Х. К. Тойбухаа — портрет И. В. Сталина, М. Х. Черзи — портрет В. И. Ленина, С. Хунак — герб СССР) и портретную скульптуру (Х. К. Тойбухаа — бюсты И. В. Сталина, С. К. Тока, Д. Д. Салчака, А. Х. Тойбухаа, У. Ш. Кандан, М. Х. Черзи — бюст Оюна Курседи, С. Хунак — бюст В. И. Ленина (Вайнштейн 1954: 36; Червонная 1969: 6; Кенин-Лопсан 1976: 26–27; Иргит 2017: 62–63). В 1960-е гг. камнерезы освоили монументальное искусство (Червонная 1995: 151–152; Будегечи 1995: 47). Затруднений у мастеров не возникло, поскольку характерная монументальность тувинской мелкой пластики позволяла при увеличении изображения не терять выразительности образа. В начале 1980-х гг. резчики попытались работать с новыми материалами — лазуритом, малахитом, тигровым глазом. Однако опыт оказался неудачным. У мастеров, привыкших к более мягким породам камня, возникли трудности с обработкой сырья и передаче в нем традиционной стилистики (Кореняко 2012: 98).

Наибольшее новаторство проявил Х. К. Тойбухаа. Он первым стал вырезать барельефные портреты и создавать фигуры в сложных позах (Вайнштейн 1954: 36; 1974: 192–193). Кроме того, резчик привнес в тувинскую пластику политическую карикатуру. Он создал скульптуру «Агрессор», изображавшую сидящего оскаленного антропоморфа, облаченного в костюм. Ступни персонажа представляли собой бомбы, а на месте носа выступал ствол винтовки. В руках «агрессор» держал прямоугольник с надписью «1000000 доллар [sic! — В. К.]» (Оживший камень 1969: рис. на с. 20).

Х. К. Тойбухаа попробовал себя и в жанре обнаженной скульптуры. Его работа «Купальщица», выполненная в духе многочисленных «Девушек с веслом» И. Д. Шадра и Р. Р. Иодко, воспроизводила молодую тувинку в купальном костюме и шапочке, стоящую в изящной позе. Фигура противоречила основной установке тувинского искусства, старательно избегавшего изображений

раздетых людей (исключение — фигуры борцов)⁸. Впрочем, ни политическая карикатура, ни обнаженная скульптура не закрепились в миниатюре Тувы.

Период 1940–1980-х гг. характеризуется появлением профессиональных мастеров, сложением династий камнерезов и возникновением предпосылок к созданию локальных художественных школ.

Новый этап в тувинской скульптуре наступил с распадом СССР, изменением государственного устройства, сломом идеологических установок. В стилистике резьбы по камню усилилось декоративное направление. Многие мастера стали отдавать предпочтение орнаментализму. Основа репертуара осталась традиционной, но в нем произошли значительные преобразования. Исчезли коммунистические образы, вместо них появились персонажи, отражающие новые реалии (В. В. Аракчаа — «Каратисты», Х. Б. Донгак — «Кайгал», Л. М. Норбу — «Звенящая нежность»). Вернулись буддийские мотивы. Стали популярны анималистические фигуры восточного календаря, знаки зодиака, копии археологических находок (Кисель 2004: 53; 2015: 119). Большое разнообразие получила трактовка образа юго-восточного дракона. Среди сувениров заметное место заняли изображения монумента В. Ф. Демина «Центр Азии», которые изготавливались еще на предыдущем этапе, но в новых условиях получили широкое признание⁹.

Уход от коммунистической идеологии в полной мере продемонстрировали образы нойона, ламы и шамана. Все они утратили отрицательный характер. Количество их изображений заметно увеличилось. Перемены коснулись и портретной скульптуры. Если раньше она воспроизводила политических деятелей, героев войны и труда, матерей-героинь, то теперь — исторических личностей, представителей интеллигенции, деятелей культуры. Целую галерею скульптурных портретов создала Л. М. Норбу («Субудай Маадыр», «Монгуш Буян-Бадыргы», «М. Б. Кенин-Лопсан», «Кара-Кыс», «Максим Мунзук»).

С конца 1990-х гг. определенное влияние на тувинскую художественную резьбу стала оказывать криминальная среда. В мелкую пластику были привнесены уголовные мотивы (пепельницы и шкатулки с пауками, листьями конопли и оружием, фигуры в форме заключенных¹⁰). Этому способствовал не только криминальный опыт некоторых молодых мастеров, но и организация руководством исправительных колоний камнерезных артелей (Тува: Производственный сектор... 2018). Впрочем, произведения с уголовной тематикой не получили широкого распространения, поскольку адресовались сравнительно узкому кругу «любителей».

Сходная ситуация сложилась с внедрением нового сюжета — фалломорфной скульптуры¹¹. По всей видимости, появление ее связано с сувенирной продукцией стран Юго-Восточной Азии, где изображения фаллосов очень популярны. В Туве такие работы, как правило, изготавливаются по специальному заказу и не поступают в открытую продажу (Кисель 2016а: 114, 119–120).

Заметное негативное воздействие на мелкую пластику оказала коммерциализация искусства. Она вызвала создание множества произведений, выполненных в русле китча, представляющих собой кулоны, брелоки, подвески.

Таким образом, камнерезное искусство тувинцев за всю свою историю продемонстрировало редкую восприимчивость к политическим, социальным и идеологическим катаклизмам. Оно

⁸ Эксперимент вызвал критику С. И. Вайнштейна, писавшего: «...нельзя не отметить, что в своих творческих исканиях Тойбу-Хаа, стремясь в некоторых скульптурах конца 1950-х гг. к станковой академической трактовке образа, в определенной мере утратил характерную для него непосредственность восприятия окружающего мира, национальное своеобразие народного искусства, выразительность линий и декоративность деталей («Купальщица», 1957, серый агальматолит и пр.)» (Вайнштейн 1974: 196).

⁹ Выпуск этих работ прекратился после сноса памятника.

¹⁰ Вероятно, из того же источника произошли композиции со спаривающимися животными.

¹¹ Приблизительно в те же годы фалломорфная скульптура отмечается в мелкой пластике соседней с Тувой Бурятии (Боронова 2016: 47–48, рис. 1, 2).

испытало китайское и русское влияние, воздействие социалистического реализма, «перестроечные» перемены. Мелкая пластика сохранила основной анималистический набор персонажей. При этом она обогатилась новыми образами, сюжетами, декоративными элементами, скрытой динамикой. Первоначальное назначение миниатюрной скульптуры, связанное с ритуальной сферой, оказалось практически утраченным. У мастеров возобладали индивидуальные творческие и коммерческие цели.

САМОГОНОВАРЕНИЕ

Яркой чертой тувинской культуры является также изготовление и потребление алкогольного напитка, производимого из заквашенного коровьего молока, — *арага* (*арака*). Приготовление *араги* основано на получении дистиллята с помощью простого перегонного аппарата, состоящего из двух котлов, деревянного полого цилиндра или усеченного конуса и отводной трубки либо дощечки. Для производства *араги* на большой котел с закваской устанавливается цилиндр или конус, в стенке которого проделано отверстие, куда вставляется трубка либо дощечка. На цилиндре размещается малый котел, наполненный холодной водой. Щели между деталями аппарата замазываются глиной, навозом или затыкаются тряпками, войлоком. Затем аппарат ставится на огонь. Пар от кипящей закваски конденсируется на дне малого котла. Получившаяся жидкость капает в трубку или на дощечку и вытекает из аппарата.

Арага содержит от 5 до 20 % алкоголя. Случалось, что ее перегоняли вновь, получая *аржаң* с 30 % алкоголя. Если дистиллировали и *аржаң*, то приготовленный *коржаң* имел уже 50 % алкоголя. Крайне редко перегоняли *коржаң*, добывая спирт, — *хоран* (Даржа 2007: 112–114).

Обычным сырьем напитка являлся *хойтпак*. Иногда его заменяли заквашенным верблюжьим, сарлычьим, оленьим, овечьим молоком, кумысом. Бывало, что использовалась зерновая или ягодная брага (Яковлев 1900: 78; Кон 1936: 186; Вайнштейн 1961: 104; Потапов 1969: 170; Кенин-Лопсан 2006: 213; Даржа 2007: 112; Турчанинов 2009: 103; Прокофьева 2011: 337, 340; Африканов 2014: 139).

Значимость самогонварения для тувинской культуры отмечают топонимика и фольклор. Например, в Дзун-Хемчикском кожууне имеется гора *Арага-Бустур* («Место, где *арага* разбилась»), по преданию, названная в память о нечаянно разбитом сосуде из рога горного козла. А в Тес-Хемском кожууне протекает река *Арага-Төктүр* («*Арага* прольется») (Ондар 2004: 53). У тувинцев были распространены легенды, связывающие изобретение *араги* с божеством или обожеествленным Чингисханом (Потанин 1883: 211–214, 795–796). До настоящего времени бытуют песни, загадки, поговорки об *араге* и ее производстве (Курбатский 2001: 304–305; Кенин-Лопсан 2006: 213).

Молочная водка часто использовалась при отправлении обрядов для подношения духам. Ее также предпочитали потреблять в самых торжественных случаях (Кон 1936: 83, 88, 168, 173; Потапов 1969: 360, 375, 380–381, 391–392; Курбатский 1973: 25, 35–36, 38; Дьяконова 1975: 64–66, 107; Вайнштейн 1991: 238; Кенин-Лопсан 2006: 23–26, 29, 40–41, 44, 68, 81–82, 91–93, 97–102, 106–107, 110–112, 122, 124, 183, 190–191, 213, 221; Даржа 2007: 10, 41, 107, 112).

В этнографии до сих пор отсутствует единое представление об отношении тувинцев к *араге*. Некоторые ученые считают, что прежде в Туве потребление алкоголя строго регламентировалось. Запрещалось пить молочную водку детям, подросткам, женщинам, мужчинам моложе 37 лет, холостякам (Курбатский 1973: 25–26, 73–74; 2001: 305; Кенин-Лопсан 2006: 15, 24, 29, 106, 144, 213). Другие исследователи указывают на массовое пристрастие тувинцев к *араге*, постоянное ее

изготовление в богатых хозяйствах, обязательное включение молочной водки в ритуальную и праздничную еду (Грум-Гржимайло 1926: 100; 1930: 623–624; Кон 1936: 83; Катанов 2011: 144; Африканов 2014: 139). Такие противоречивые мнения, очевидно, были порождены, с одной стороны, идеализацией культурного прошлого Тувы, а с другой — непониманием местной специфики и негативной ее трактовкой. Думается, реальное положение дел занимает промежуточное место между этими описаниями.

Изготовление больших объемов *араги* было возможно только летом при устойчивых надоях молока. Тогда тувинцы потребляли ее часто. В остальное время в хозяйствах имелось небольшое количество напитка (Даржа 2007: 109–110). В целом ситуация, вероятно, была такой же, как в Хакасии и на Алтае. Там летом мужчины и женщины пили очень много молочной водки, но детей и подростков старались оградить от этого (Адрианов 1909: 506–519; Данилин 1927–1929: л. 3).

До сих пор не установлено время появления *араги* у тувинцев. Первое упоминание о ней на территории Тувы относится к XVII в. (Кононов 1958: 90). На основе данного свидетельства С. И. Вайнштейн предположил, что в тот период молочная водка начала вытеснять кумыс. По мнению ученого, распространение в степях приемов перегонки кислого молока шло с запада на восток, видимо, от арабов (Вайнштейн 1991: 130–131). Это вызывает сомнения, поскольку арабы применяли дистилляцию лишь в медицинских и макиажных целях. Поэтому более вероятным представляется другой источник заимствования.

Издавна тюркские и монгольские народы испытывали сильное воздействие Китая, где производство дистиллированного алкоголя датируется еще VII в. (Духовная культура... 2009: 371). Известно, что китайцы, наряду с разнотипными самогонными аппаратами, использовали и «тувинский» вариант. Более того, для перегонки в качестве сырья они иногда применяли молоко (Фредрикссон 2007: 25). Думается, что именно из китайской культуры кочевники почерпнули умение производства молочной водки. Освоение дистилляции могло произойти в VII–VIII вв., когда Тюркские каганаты попали в подчинение империи Тан (Кисель 2014b: 513).

Включение территории Тувы в крупные государственные образования отразилось на традиции самогонварения. После вхождения в Цинскую империю вышел запрет на торговлю арагой в Туве, что сократило потребление алкоголя (Штыгашев 2006: 46). Но объявление Россией протектората привело к отмене закона, и изготовление молочной водки вновь возросло. Наиболее существенные изменения начались с организацией Республики Танну-Тува. Один из первых указов нового государства запрещал частное самогонварение из зерна, ягод, молока. Правда, через несколько месяцев запрет был частично отменен. Разрешалось изготовление ягодного самогона и араги (За здоровый образ... 2009). Поскольку Тувинская республика как экономически, так и политически была тесно связана с РСФСР, можно заключить, что эти законы отобрали советскую практику. Так, в 1919 г. Совет народных комиссаров принял декрет, запрещавший самогонварение, а в 1923 г. — другой декрет, разрешавший изготовление и продажу наливок и настоек крепостью до 20–30°. Через пять лет вышли циркуляры НКВД, разъяснявшие, что борьба с самогонварением не распространяется на изготовление, хранение и сбыт «домашних национальных напитков», в частности молочной водки (Такала 2002: 190, 194, 200–201).

Преследования самогонщиков в Туве продолжились в 1930-х гг. Тогда в местной прессе появились антиалкогольные статьи, призывавшие «решительнее бороться с лицами, злоупотребляющими спиртными напитками» (За здоровый образ... 2009; Седип-оол 2009). Видимо, и на этот раз инициатором пропаганды трезвости стала РСФСР, где в 1927 г. на XV съезде ВКП(б) была провозглашена «энергичная борьба... за культуру, против пьянства» (Такала 2002: 206).

Коллективизация и принуждение кочевников к оседанию на землю негативно повлияли на всю тувинскую культуру, в том числе и на традицию производства *араги*. В Туве резко сократилось поголовье скота, что, естественно, уменьшило объем молока, шедшего на перегонку¹². Однако, если в 1920–1930-е гг. антиалкогольные законы Советской России действовали в Туве опосредованно, то с момента присоединения к СССР они получили полную силу. В 1948 г. Президиум Верховного Совета РСФСР издал Указ об уголовной ответственности за самогонварение. Изготовление и хранение самогона и самогонных аппаратов каралось заключением в исправительно-трудовых лагерях сроком от одного года до семи лет. Эта борьба длилась до начала 1960-х гг. Затем были объявлены послабления, и самогонварение практически вышло из-под уголовной ответственности (Такала 2002: 254). Но население Тувы, потреблявшее алкогольные напитки, уже в основном перешло на государственную продукцию, и производство *араги* сократилось.

Новая попытка государства расправиться с самогонварением ознаменовалась выходом Постановления ЦК КПСС «О мерах по преодолению пьянства и алкоголизма, искоренению самогонварения» в 1985 г. В Туве были организованы рейды с целью выявления и изъятия самогонных аппаратов. По воспоминаниям очевидцев, все обнаруженные деревянные цилиндры от аппаратов сотрудники милиции и представители добровольных дружин показательно сжигали при большом стечении народа. Многие пожилые люди восприняли это как святотатство. Антиалкогольная кампания заставила большинство тувинского населения перестать гнать молочную водку. Лишь незначительное число тувинцев продолжило изготовление *араги*, но уже подпольно.

В 1990 г. федеральное правительство признало, что в борьбе с пьянством были допущены ошибки, и Совет министров СССР постановил прекратить активную пропаганду трезвости. В результате потребление спиртных напитков увеличилось, но изготовление *араги* в прежних количествах не восстановилось. Традиционному самогонварению стали противодействовать местные антиалкогольные акции, принявшие форму митингов, демонстраций, флешмобов, безалкогольных территориальных зон (День здорового образа... 2008; Запрет на пьянство... 2010; Тува: поддержи... 2017; На главной... 2017). К тому же скотокрадство, активизировавшееся в Туве с 1990-х гг., привело к резкому сокращению поголовья стад.

Вместе с тем необходимо отметить, что значение *араги* в тувинской культуре осталось достаточно высоким. По мнению тувинцев, молочная водка является истинно традиционным напитком. Она обязательно должна присутствовать при заключении брака, отмечании рождения детей, праздновании *Наадьма* (День животновода) (Мышлявцев 2003).

В последнее время изменилось официальное отношение к тувинскому самогонварению. Туристические фирмы Тувы начали пропагандировать *арагу* в качестве местной достопримечательности, обещая экскурсантам посещение чабанской стоянки и участие в изготовлении молочной водки (Тува Тур 2013). Несмотря на это, ситуация не улучшается, так как *арага* по-прежнему не играет никакой роли в экономике Тувы. Ее продолжают изготавливать исключительно в частном секторе и в небольших количествах. Неукоснительное сокращение производства молочной водки может со временем привести к полному исчезновению этой самобытной черты уклада тувинцев.

СКОТОКРАДСТВО

Выразительной особенностью традиционной тувинской культуры является скотокрадство. Людей, занимающихся такой деятельностью, называют *кайгалами* — удалцами или смельчаками.

¹² В 1933 г. руководители Тувинской народно-революционной партии признали отрицательными результаты коллективизации и постановили распустить колхозы. Вторично коллективизация стала проводиться в 1940-е гг. (Москаленко 2004: 129, 172, 174).

Обычно *кайгалами* становились юноши или холостые мужчины. Для молодежи поход за скотом часто превращался в своеобразную инициацию.

Распространенность скотокрадства в Туве поражала исследователей XIX — начала XX в. Так, А. М. Африканов писал: «В некоторых родах — сумо — урянхов [тувинцев. — В. К.] страсть к краже вошла, так сказать, в плоть и кровь, и ловкая, дерзкая кража является молодечеством, а не позорным делом» (Африканов 2014: 115). И по свидетельству А. В. Адрианова, «воровство до такой степени укоренилось в нравах этого народа, что составляет предмет похвалы и гордости, если совершено удачно; по мнению народа, оно совсем не есть преступление и составляет одно из самых обычных занятий громадного большинства населения» (цит. по: Яковлев 1900: 74). В научной литературе неоднократно отмечались удивительная ловкость, редкая хитрость и отточенное мастерство *кайгалов* (Кон 1936: 23; Африканов 2014: 115; Сафьянов 2014: 545–546).

Популярность явления подтверждает фольклор тувинцев, содержащий множество песен и легенд о скотокрадах, а также имена *Кайгал* и *Кайгал-оол* (Курбатский 2001: 247–248).

Однако институт похитителей скота не был известен в Туве повсеместно. Согласно П. Е. Островских, «западные урянхи — воры отчаянные, тогда как на востоке — тоджинцы, кажется, и не представляют себе, что можно присвоить чужое» (цит. по: Яковлев 1900: 75). Это противоречие объясняется разными хозяйственно-культурными типами. Если западные тувинцы были степными скотоводами и имели развитый производящий (экстенсивный) тип, то тоджинцы являлись таежными охотниками-оленоводами с ранним производящим укладом без выраженного имущественного расслоения.

Основная деятельность скотокрадов приходилась на середину-конец осени, когда замерзал верхний слой почвы (Яковлев 1900: 76). В настоящее время угоны скота совершаются в это же время, правда, захватывают еще конец лета и начало зимы. Обычно в набег отправлялась небольшая группа, не превышавшая двадцати человек. К походу кайгалы тщательно готовились, продумывали маршрут, изучали пути отхода, запасались продуктами. Подготовка велась тайно. Главы родоплеменных групп крайне редко ставились в известность. Набегам подвергались районы, отдаленные от родных кочевий. Однако случалось, что объектом кражи оказывались и богатые соплеменники. Во время похода *кайгалы* старались вести себя скрытно. Они передвигались по ночам, предпочитая в светлое время суток таиться в лощинах либо в лесу. Нередко скотокрады заключали соглашения с соседями хозяина табуна или стада, намеченными к угону. Это позволяло им получить необходимую информацию и рассчитывать на помощь при отступлении. На обратном пути осторожность не соблюдалась, похитители полагались на скорость и обманные приемы, чтобы уйти от погони. Набеги обычно обходились без убийств.

Деятельность *кайгалов* отличалась как от обычного воровства (*оорлаашкын*), так и от кражи-возмездия (*туткууш*), поскольку первое совершалось с экономическими целями, а второе разрешало социальные и этнические конфликты. *Кайгалы* же в первую очередь стремились повысить собственный социальный статус и увеличить личный авторитет. По этой причине они часто раздавали украденный скот бедным соплеменникам. Нередко при разделе похищенного включались механизмы престижной экономики. Тогда добыча могла перейти к любому прохожему, сказавшему слово *ужа* (Яковлев 1900: 66; Бутанаев, Монгуш 2005: 42–46).

По представлениям тувинцев, воровство скота не являлось присвоением чужой собственности, а было перераспределением общего природного богатства. Имущество богатых сородичей воспринималось как греховное, нажитое несправедным путем, и отчуждение его вносило в мир равновесие, гармонию (Яковлев 1900: 99; Грумм-Гржимайло 1930: 624–625; Мышлявцев 2001; 2002: 15).

Что касается иноплеменников, то они не попадали под действие обычного права, считаясь неполноценными, презираемыми существами (Курбатский 2001: 192). Все это сформировало в народе образ *кайгала* — защитника бедноты, благородного разбойника.

Несмотря на устойчивость таких взглядов, эпоха Чингисхана внесла в них коррективы. Согласно законам кочевой империи, любой совершивший хищение должен был подвергнуться наказанию. За угон скота вора рассекали пополам (Ковалевский 1956: 138). Впрочем, традиционные взгляды на справедливую кражу не исчезли, и с распадом государства Чингисхана кочевники вернулись к обычным нормам.

Вхождение Тувы в империю Цин снова привело к преследованию скотокрадов. Теперь угон более 20 голов скота наказывался многолетним тюремным заключением, групповая кража от 10 до 20 голов каралась казнью вожака, а хищение от 20 до 30 голов приводило к казни всего отряда (Яндай-оол 2009: 65–67; Турчанинов 2009: 101; Катанов 2011: 247). Правда, казни можно было избежать, если у скотокрада имелись престарелые родители или родные готовы были взять его на поруки (Дамдынчап 2007: 295).

Тем не менее никакие угрозы и кары не могли прекратить набегов *кайгалов*. К тому же им симпатизировало большинство тувинцев. Например, громадным авторитетом и почетом пользовались похитители скота, которых власти арестовывали и подвергали пыткам, но они никого не выдавали (Африканов 2014: 115). Впрочем, у сложившегося образа бескорыстного удальца имелся негативный оттенок. Многие *кайгалы* заключали соглашения с богатыми родичами, указывавшими скотокрадам конкретные жертвы и наживавшимися на перепродаже похищенного (Дулов 1956: 287–288; Курбатский 2001: 247, 250; Сафьянов 2014: 545). Такие союзы приобрели политический оттенок в начале XX в., когда тувинские богачи стали натравливать *кайгалов* на русских переселенцев (Василенко 2013; Африканов 2014: 115–116).

Установление советской власти в Туве отразилось на отношении к похитителям скота. Мятеж беглых скотокрадов «Алдан Дургун/Маадыр» в новой трактовке превратился в восстание борцов за счастье простого народа. Правда, идеализация *кайгалов* прошлого не распространилась на современных скотокрадов. Для государственных органов они однозначно являлись уголовными преступниками.

Нельзя не отметить, что *кайгал* издревле воспринимался как всадник. Однако «начиная с 30-х гг. лошадь была практически запрещена для разведения в личных целях. В советское время на коне нельзя было проскакать по селу — это расценивалось как идеализация феодального прошлого или, еще хуже, как вызов новому социалистическому строю. Молодых наездников, стремившихся показать свою удаль девушкам и умение красиво держаться в седле, часто привлекали к суду за мелкое хулиганство» (Кужугет 2015: 446).

Впрочем, отрицательное отношение властей к *кайгалам* нового времени имело под собой основание. Набеги стали совершаться не с целью проявить бесстрашие и ловкость, а для обогащения. Особую остроту конфликт государства, граждан и скотокрадов приобрел в 1990-е — начало 2000-х гг. Распад СССР и слом экономических связей привел к обнищанию населения Тувы. В сложившейся ситуации многократно увеличилось количество похищений скота (Даржа 2001: 9–21; Хоозураан Тыва... 2002: 26; Владимиров 2012). Отчасти изменилась и территория деятельности *кайгалов*. Теперь, помимо Монголии и Хакасии, скотокрадство охватило Туву. Для реализации добычи стало проще и безопаснее продать не живых животных, а разделанные туши (Кисель 2005: 149; 2016b; Оюн 2009; В Туве в ходе... 2013; Разбойники-рецидивисты... 2014; Сотрудники ДПС... 2018; В Туве задержана... 2018). Набеги окончательно приняли вид грабежа и разбоя, порой

заканчивающиеся убийствами (Тувинские скотокрады... 2012)¹³. Поэтому можно согласиться с заключением Б. А. Мышлявцева, что в настоящий момент институт *кайгалов* перестал существовать (Мышлявцев 2002: 15).

В последнее время в Туве отмечается двойственное отношение к *кайгалам*. Похитители скота прошлых времен продолжают ассоциироваться с благородными разбойниками, бесшабашными храбрецами. Современные же скотокрады воспринимаются как обыкновенные воры, предпочитающие похищать скот.

Подводя итог проведенному исследованию, следует заключить, что влияние политики государства на традиционную культуру отличается разнообразием. Чаще всего народные обычаи и традиции сильно деформируются, то воспринимая дух нового времени, то подвергаясь жесткому давлению официальных властей. Это наглядно демонстрирует тувинский материал. Так, камнерезное искусство тувинцев, сохранив анималистическую основу, испытало инокультурные влияния, видоизменилось, приобрело декоративность, скрытую динамику и практически утратило исходную сакральную функцию. Тувинское самогонование, пройдя сложный путь запретов и преследований, оказалось практически на грани исчезновения. Институт же скотокрадов-*кайгалов*, изначально имевший социальный характер с ярко выраженными инициационными корнями, постепенно перешел в преступную экономику и превратился в явление уголовной среды.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Данилин А. Г. Дневники этнографических поездок на Алтай и в Ойротскую Автономную область. 1927-1929 гг. 396 л. + 1 л. // СПбФ АРАН. Ф. 135. Оп. 2. Ед. хр. 102.

Адрианов А. В. Айран в жизни минусинского инородца // Записки ИРГО по отделу этнографии. 1909. Т. 34. С. 489–524.

Африканов А. М. Русская торговля в Урянхайской земле // Урянхай. Тыва дептер: антология научной и просветительской мысли о древней тувинской земле и ее насельниках, об Урянхае — Танну-Туве, урянхайцах — тувинцах, о древностях Тувы: в 7 т. М.: Слово/Slovo, 2014. Т. 5: Урянхайский край: от Урянхия к Танну-Туве (конец XIX — первая половина XX вв.). С. 94–117.

Боронова Т. А. Фольклорно-мифологические мотивы в современной скульптуре Бурятии // Вестник БГУ. 2016. Вып. 5. С. 46–57.

Будегечи Т. Художественное наследие тувинцев. М., 1995.

Бутанаев В. Я., Монгуш Ч. В. «Уча» — обычай престижного распределения добычи у саянских тюрков // Актуальные проблемы истории Саяно-Алтая и сопредельных территорий: материалы междунар. науч.-практ. конф. Абакан, 2005. С. 42–46.

Вайнштейн С. И. Современное камнерезное искусство тувинцев // Советская этнография. 1954. № 3. С. 31–37.

Вайнштейн С. И. Тувинцы-тоджинцы: историко-этнографические очерки. М., 1961.

Вайнштейн С. И. Орнамент в народном искусстве тувинцев // Советская этнография. 1967. № 2. С. 45–61.

Вайнштейн С. И. История народного искусства Тувы. М., 1974.

Вайнштейн С. И. Мир кочевников центра Азии. М., 1991.

¹³ Малая эффективность борьбы тувинских властей со скотокрадами привела к созданию добровольных дружин (В приграничных районах... 2016; Тувинский участок... 2017).

Василенко В. А. Пограничный комиссар в Туве в 1913 году: назначение, проблемы, противостояние // Новые исследования Тувы. 2013. № 4. URL: http://www.tuva.asia/journal/issue_20/6719-vasilenko.html (дата обращения: 19.12.2013).

Владимиров Д. Ковбойский бизнес. Специальный репортаж // Tostos. URL: <http://www.tostos.ru/Kovboyskiy-biznes-SPECIALjNYiY-REPORTAZh.html> (дата обращения: 03.05.2012).

В приграничных районах Тувы пограничникам помогают в охране границы почти 100 дружинников // Тува-Онлайн. 2016. URL: <http://www.tuvaonline.ru/2016/11/21/v-prigranichnyh-rayonah-tuvy-pogranichnikam-pomogayut-v-ohrane-granicy-pochti-100-druzhinnikov.html> (дата обращения: 22.11.2016).

В Туве в ходе операции «Скотокрад» реализуемое мясо проверили на легальность // Тува-онлайн. 2013. URL: <http://www.tuvaonline.ru/2013/04/09/v-tuve-v-hode-operacii-skotokrad-realizuemoe-myaso-proverili-na-legainost.html> (дата обращения: 09.04.2013).

В Туве задержана организованная группа скотокрадов // Тува-онлайн. 2018. URL: <http://www.tuvaonline.ru/2018/02/05/v-tuve-zaderzhana-organizovannaya-gruppa-skotokradov.html> (дата обращения: 06.02.2018).

Грум-Гржимайло Г. Е. Западная Монголия и Урянхайский край. Антропологический и этнографический очерк этих стран. Л., 1926. Т. 3. Вып. 1.

Грум-Гржимайло Г. Е. Западная Монголия и Урянхайский край. Антропологический и этнографический очерк этих стран. Торговая и колонизаторская в них деятельность китайцев и русских. Дополнения и поправки. Л., 1930. Т. 3. Вып. 2.

Дамдынчап В. М. Система наказаний в обычном праве тувинцев (ретроспективный анализ) // VII Конгресс этнографов и антропологов России: доклады и выступления. Саранск, 2007. С. 295.

Даржа В. К. Самозащита по закону. Пособие для арата. М., 2001.

Даржа В. К. Тайны мировоззрения тувинцев-номадов. Кызыл, 2007.

День здорового образа жизни в Туве отметили символическим сжиганием алкоголя, наркотиков и сигарет // Тува-онлайн. 2008. URL: http://www.tuvaonline.ru/2008/12/03/2208_shestvie.html (дата обращения: 04.12.2008).

Дулов В. И. Социально-экономическая история Тувы. XIX — начало XX в. М., 1956.

Духовная культура Китая: энциклопедия: в 6 т. М., 2009. Т. 5.

Дьяконова В. П. Одежда // Потапов Л. П. Очерки народного быта тувинцев. М., 1969. С. 203–227.

Дьяконова В. П. Погребальный обряд тувинцев как историко-этнографический источник. Л., 1975.

За здоровый образ жизни, по профилактике пьянства и алкоголизма: сборник документов, статей из газет с 1923 по 1944 годы. Кызыл, 2009.

Запрет на пьянство спас вымиравшую тувинскую деревню // Первый канал. 21.10.2010. URL: <http://www.1tv.ru/news/other/163439> (дата обращения: 24.10.13).

Иванов С. В. Рецензия на «И. М. Мягков. Искусство Танну-Тувы» // Советская этнография. 1933. № 2. С. 144–148.

Иванов С. В. Изучение национального изобразительного искусства в СССР // Труды Первого Всесоюзного Географического Съезда. 1934. Вып. 4. (Отдельный оттиск). С. 1–17.

Иванов С. В. Современное искусство народов Сибири (скульптура). (Краткий очерк) // Советская этнография. 1961а. № 6. С. 9–28.

Иванов С. В. Орнамент // Историко-этнографический атлас Сибири. М.; Л., 1961б. С. 369–434.

Иванов С. В. Скульптура алтайцев, хакасов и сибирских татар (XVIII — первая четверть XX в.). Л., 1979.

Иргит А. К. Орнамент в тувинской каменной пластике малых форм // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2010. № 1 (5). С. 66–68.

Иргит А. К. История развития и современное состояние каменной пластики Тувы: дис. ... канд. искусствоведения. Красноярск, 2017.

История Тувы: в 2 т. Новосибирск, 2001. Т. 1.

Каралькин П. И. Тувинские шахматы // Этнография народов СССР. Л., 1971. С. 136–145.

Катанов Н. Ф. Очерки Урянхайской земли. Дневник путешествия, исполненного в 1889 году по поручению Императорской Академии Наук и Императорского Русского Географического Общества. Кызыл, 2011.

Кенин-Лопсан М. Б. Волшебник. Рассказ о народном камнерезе Монгуше Черзи. Кызыл, 1976.

Кенин-Лопсан М. Б. Традиционная культура тувинцев. Кызыл, 2006.

Кисель В. А. История камнерезного искусства Тувы // Сборник МАЭ. Музейные коллекции и научные исследования: материалы годичной науч. сессии МАЭ РАН 2000 года. СПб., 2004. Т. 49. С. 44–56.

Кисель В. А. Тува в современном мире (взгляд стороннего наблюдателя) // Сибирь на рубеже тысячелетий. Традиционная культура в контексте современных экономических, социальных и этнических процессов. СПб., 2005. С. 144–151.

Кисель В. А. Образ нойона в тувинском искусстве // Символы, атрибуты и образы власти. СПб., 2014а. С. 86–92.

Кисель В. А. Самогоноварение у тувинцев: конфликт традиционной культуры и государства // Сибирский сборник — 4. Грани социального: антропологические перспективы исследования социальных отношений и культуры. СПб., 2014б. С. 506–522.

Кисель В. А. Камнерезное искусство тувинцев как направление в изобразительном творчестве кочевников // Тезисы докладов научной конференции «Теория и практика исследования этнокультурных комплексов», посвящ. 65-летию со дня рождения В. А. Козьмина. СПб., 2015. С. 117–119.

Кисель В. А. Малоизвестный мотив камнерезного искусства Тувы (полевые материалы 2000–2014 гг.) // Материалы полевых исследований МАЭ РАН. СПб., 2016а. Вып. 16. С. 110–123.

Кисель В. А. Образ кайгала в тувинской культуре (эмоциональное восприятие и политическая конъюнктура). СПб., 2016б. (в печати).

Ковалевский А. П. Книга Ахмеда ибн-Фадлана о его путешествии на Волгу в 921–922 гг. Харьков, 1956.

Кон Ф. Я. За пятьдесят лет. М., 1936. Т. 3–4.

Кононов А. Н. Родословная туркмен. Сочинение Абу-л-Гази хана Хивинского. М.; Л., 1958.

Коренько В. А. Декоративно-прикладное искусство Тувы в собрании ГМИНВ (каталог мелкой пластики) // Научные сообщения ГМИНВ. М., 1984. Вып. 17. С. 58–109.

Коренько В. А. Искусство народов Центральной Азии и звериный стиль. М., 2002.

Коренько В. А. Произведения тувинских камнерезов в Минералогическом музее им. А. Е. Ферсмана // Новые данные о минералах. М., 2012. Вып. 47. С. 93–101.

Кочешков Н. В. Шахматы у монголоязычных народов XIX–XX вв. // Советская этнография. 1972. № 1. С. 132–138.

Кужугет А. К. Трансформация образа коня и всадника в тувинском искусстве в XX — начале XXI века // Гуманитарные науки в XXI веке: человек, общество, глобальный мир: материалы международного конф. Кызыл, 2015. С. 445–449.

Курбатский Г. Н. Тувинские праздники: историко-этнографический очерк. Кызыл, 1973.

Курбатский Г. Н. Тувинцы в своем фольклоре (историко-этнографические аспекты тувинского фольклора). Кызыл, 2001.

Ланзы С. Народные умельцы в столице республики // Газета «Тувинская правда». 1965. № 173.

Маннай-оол М. Х. К вопросу о происхождении скифо-сибирского «звериного стиля» // Новые исследования Тувы. 2009. № 3. URL: https://www.tuva.asia/journal/issue_3/464-mannay-ool.html (дата обращения: 16.09.2009).

Москаленко Н. П. Этнополитическая история Тувы в XX веке. М., 2004.

Мышлявцев Б. А. Похититель скота и социальная гармония. Некоторые аспекты отношений собственности у тувинцев Западной Тувы // Сибирский этнографический вестник. 2001. № 5 (6). URL: <http://www.sati.archaeology.nsc.ru/sibirica/Data/?html=bam2.htm&mi=25&id=1123> (дата обращения: 19.10.2016).

Мышлявцев Б. А. Современная Тува: нормативная культура (конец XX — начало XXI вв.): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Новосибирск, 2002.

Мышлявцев Б. А. Культура употребления опьяняющих и наркотических веществ у современных тувинцев // Сибирский этнографический вестник. 2003. № 15. URL: <http://www.sati.archaeology.nsc.ru> (дата обращения: 19.10.2016).

Мяжков И. М. Искусство Танну-Тувы // Материалы по изучению Сибири. Томск, 1931. Т. 3. (Отдельный оттиск). С. 1–33.

На главной площади Тувы более 500 человек сложили слова «Трезвая Россия» // Тува-онлайн. 2017. URL: <http://www.tuvaonline.ru/2017/09/12/na-glavnoy-plochadi-tuvy-bolee-500-chelovek-slozhi-li-slova-trezvaya-rossia.html> (дата обращения: 13.09.2017).

Ноозун О. Х. Тувинское декоративно-прикладное искусство: вехи историко-культурного развития. Кызыл, 2016.

Оживший камень: фотоальбом тувинской народной резьбы по камню. Кызыл, 1969.

Ондар Б. К. Топонимический словарь Тувы. Абакан, 2004.

Оюн Л. Отрезать скотокрадам руки? Реально ли всем миром одолеть главное преступление Тувы — скотокрадство // Газета «Центр Азии». 2009. № 5. URL: <http://www.centerasia.ru/issue/2009/5/2444-otrezat-skotokradam-ruki-realno-li-vsem.html> (дата обращения: 10.02.2009).

Потанин Г. Н. Очерки Северо-Западной Монголии. Материалы этнографические. СПб., 1883.

Потапов Л. П. Очерки народного быта тувинцев. М., 1969.

Прокофьева Е. Д. Процесс национальной консолидации тувинцев. СПб., 2011.

Разбойники-рецидивисты, укравшие стадо, задержаны в Туве // Тува-онлайн. 2014. URL: <http://www.tuvaonline.ru/2014/01/15/razboyniki-ricidivisty-ukravshie-stado-skota-zaderzhany-v-tuve.html> (дата обращения: 16.01.2014).

Рафаенко В. Я. Современное состояние и перспективы развития тувинского народного искусства // Творческие проблемы современных народных художественных промыслов. Л., 1981. С. 242–256.

Савенков И. Т. К вопросу об эволюции шахматной игры. Сравнительно-этнографический очерк // Этнографическое обозрение. 1905. № 1. С. 1–128.

Самбу И. У. Тувинские народные игры. Кызыл, 1978.

Сафьянов Г. П. Записки об урянхайцах (сойотах), составленные в 1879 году и принадлежащие ныне библиотеке Минусинского местного музея // Урянхай. Тыва дептер: антология научной и просветительской мысли о древней тувинской земле и ее насельниках, об Урянхае — Танну-Тыве, урянхайцах — тувинцах, о древностях Тувы: в 7 т. М., 2014. Т. 1: Древние племена Тувы и сопредельных территорий Центральной Азии (II тысячелетие до н. э. — конец XIX в.). С. 541–550.

Седин-оол М. М. Хроника борьбы со Злом: вековое противостояние // Плюс-информ. 2009. URL: <http://plusinform.ru/main/415-hronika-borbyi-so-zlom-vekovoe-protivostoyanie.html> (дата обращения: 25.11.2009).

Сотрудники ДПС по горячим следам раскрыли кражу скота в Пий-Хемском районе Тувы // Тува-онлайн. 2018. URL: <https://www.tuvaonline.ru/2018/10/12/sotrudniki-dps-po-goryachim-sledam-raskryli-krazhu-skota-v-piy-hemskom-rayone-tuvy.html> (дата обращения: 15.10.2018).

Такала И. Р. «Веселие Руси»: история алкогольной проблемы в России. СПб., 2002.

Тува: поддержи идею трезвости // Тува-онлайн. 2017. URL: <https://www.tuvaonline.ru/2017/09/11/tuva-podderzhi-ideyu-trezvosti.html> (дата обращения: 12.09.2017).

Тува: производственный сектор УФСИНа // Тува-онлайн. 2018. URL: <https://www.tuvaonline.ru/2018/09/18/tuva-proizvodstvennyy-sektor-ufsina.html> (дата обращения: 18.09.2018).

Тува Тур. Этно туры по Тыве. 2013. URL: <http://tour.tuva24.ru>. (дата обращения: 10.10.2013).

Тувинские скотокрады, убившие алтайского пастуха, пойманы и предстанут перед судом // *Altay Daily Review*. 2012. URL: <http://www.bankfax.ru/page.php?pg=20787> (дата обращения: 03.05.2012).

Тувинский участок госграницы. Друзинники от слова «дружить» // Тува-онлайн. 2017. URL: <http://www.tuvaonline.ru/2017/06/07/tuvinskiy-uchastok-gosgranicy-druzhinniki-ot-slova-druzhit.html> (дата обращения: 07.06.2017).

Турчанинов А. А. Урянхайский край в 1915 году. Кызыл, 2009.

Фредрикссон Л. Водка из глиняного погребца // Восточная коллекция. 2007. № 1. С. 24–35.

Ховалыг У. Т. Традиционное изображение тувинских шахматных фигурок // Археология, этнология и антропология АТР. Междисциплинарный аспект: материалы докл. ЛШ регион. археолого-этнограф. конф. студентов, аспирантов и молодых ученых. Владивосток, 2013. С. 372–374.

Хоозураан Тыва. Саннар, барымдаалар. Кызыл, 2002 (на тув. яз.).

Чадамба Е. Агальматолит в отчетах артелей 1933 года времен ТНР // Тува-онлайн. 2011. URL: <https://www.tuvaonline.ru/2011/08/18/agalmatolit-v-otchetah-arteley-1933-goda-vremen-tnr.html> (дата обращения: 29.08.2011).

Червонная С. Оживший камень // Оживший камень: фотоальбом тувинской народной резьбы по камню. Кызыл, 1969. С. 3–8.

Червонная С. М. Художники Республики Тыва. СПб., 1995.

Шойгу К. Танну-Тыва: страна озер и голубых рек. М., 2004.

Штыгашев И. М. Поездка Матурского священника в Урянхайский край в 1913 году. Абакан, 2006.

Яковлев Е. К. Этнографический обзор инородческого населения долины Южного Енисея и объяснительный каталог Этнографического отдела Музея. Описание этнографических коллекций Минусинского музея. Минусинск, 1900.

Яковлева Е. Г. Народное искусство западных и юго-западных районов Тувинской АССР // Сборник трудов НИИХП. М., 1966. № 3. С. 83–105.

Яндай-оол Т. В. Организация судебной власти в Тыве во времена правления Маньчжурской династии // Журнал научных публикаций аспирантов и докторантов. 2009. № 6 (36). С. 62–69.

NATIONAL TRADITIONS AND THE STATE: A HISTORY OF RELATIONS (THE CASE OF TUVA)

ABSTRACT. The article deals with the problem of the state influence on national traditions. The research focuses on the historical changes of characteristic features of the culture of Tuvinians, including stone-cutting art, moonshining and abaction. The origins of these practices go back to the period of formation of the Turkic-Mongolian cultures. Their development was strongly influenced by the rich history of Tuva. Throughout the last three centuries Tuva repeatedly changed its political structure. It was a part of the Qing Empire, a protectorate of the Russian Empire, a part of the USSR and the Russian Federation, and an independent republic. As a result of all the changes the traditional culture of Tuvinians underwent cardinal deformation. The small statuary of Tuvinians has managed to keep initial animalistic set of characters. At the same time, it became enriched by new images and plots, complicated decorative elements and hidden dynamics. The initial purpose of small statuary connected with the ritual sphere was almost lost. Production of milk vodka was repeatedly exposed to the numerous bans and prosecutions. As a result it appeared practically on the verge of disappearance. Despite it, the value of milk vodka in the Tuvinian culture remains very high. The institute of cattle thieves initially had social roots. Stealing cattle often acted as initiation for young men. However, over the time abaction gradually passed into the criminal sphere and turned into the phenomenon of criminal environment.

KEYWORDS: Tuva, traditional culture, state, stone-cutting art, moonshining, kaygal

VLADIMIR A. KISEL — Candidate of Historical Sciences, Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography (Kunstkamera) of the Russian Academy of Sciences (Russia, St. Petersburg)

E-mail: kisel@kunstkamera.ru